

На правах рукописи

ВАСИЛЕНКО Ольга Ивановна

**ОТФИТОНИМИЧЕСКАЯ СЕМАНТИЧЕСКАЯ ДЕРИВАЦИЯ
В СОВРЕМЕННЫХ ЛИТЕРАТУРНЫХ
РУССКОМ И АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКАХ**

10.02.20 – «Сравнительно-историческое,
типологическое и сопоставительное языкознание»

Автореферат
диссертации на соискание учёной степени
кандидата филологических наук

Екатеринбург – 2008

Работа выполнена в ГОУ ВПО «Уральский государственный педагогический университет»

Научный руководитель: доктор филологических наук, профессор
Комарова Зоя Ивановна

Официальные оппоненты: доктор филологических наук, профессор
Руженцева Наталья Борисовна
ГОУ ВПО «Уральский государственный педагогический университет»

кандидат филологических наук, доцент
Скворцов Олег Георгиевич
ГОУ ВПО «Уральский государственный технический университет»

Ведущая организация: ГОУ ВПО «Уральский государственный университет им. А. М. Горького»

Защита состоится « 6 » июня 2008 года в 14.00 на заседании диссертационного совета Д 212.283.02 при ГОУ ВПО «Уральский государственный педагогический университет» по адресу: 620017, г. Екатеринбург, пр. Космонавтов, 26, ауд. 316.

С диссертацией можно ознакомиться в научной библиотеке и на Интернет-сайте Уральского государственного педагогического университета www.uspu.ru.

Автореферат разослан « 30 » апреля 2008 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета

Пирогов Н. А.

Общая характеристика работы

Реферируемая работа посвящена сопоставительному исследованию процессов отфитонимической семантической деривации как многоаспектного явления, определяемого совокупностью когнитивных, языковых и культурологических факторов.

Явление семантической деривации, введенное в лингвистический оборот в 60-х годах XX века [Шмелев 1964], в последние десятилетия становится объектом активных исследований в рамках когнитивной и функциональной лингвистики [Артыкова 1994; Денисик 1993; Долгих 1984; Зализняк 2001, 2004; Козловская 1995; Кустова 2001, 2004; Лапшина 1996; Падучева 2003, 2004; Петров 1995 и др.].

Актуальность исследования процессов семантической деривации обусловлена рядом факторов. Феномен одноименности при наличии семантической связи между единицами номинации традиционно обозначается термином полисемия. Вместе с тем такая трактовка явления акцентирует именно результат семантического варьирования – наличие у слова более одного значения, тогда как сам процесс, динамический аспект явления остается скрытым. Введение в лингвистический анализ термина семантическая деривация снимает отмеченную трудность, поскольку, фиксируя явление семантического варьирования как таковое, подразумевает и непосредственно процесс образования новых значений от уже имеющихся [Зализняк 2001]. Таким образом, понятие семантической деривации позволяет анализировать статический и динамический аспекты языковой системы в их единстве.

Употребление данного термина на современном этапе тем более актуально, что усиление интереса к когнитивным аспектам языка предполагает изучение семантического варьирования именно как процесса, имеющего когнитивную основу. Семантическая деривация дает широкий материал для исследований в данном направлении, поскольку базируется как на универсальных для всех языков когнитивных механизмах, так и уникальных для каждого языкового коллектива или индивида процессах порождения, усвоения, хранения и функционирования информации.

Следует отметить, что несмотря на активность исследований деривационных процессов в семантике, сопоставительные работы в этой области немногочисленны, как немногочисленны и исследования, предполагающие детальный сопоставительный анализ процессов семантического варьирования в лексике определенной денотативной сферы.

Выбор фитонимической лексики в качестве материала для исследования языковых процессов [Галайчук 1997; Киселева 2002; Колева 2000; Комарова, Плотникова 2006; Комарова, Хасаншина 2004; Коновалова 2001; Криничная 1998 и др.], в том числе деривационных, является, на наш взгляд, оптимальным, поскольку растения, благодаря своему посто-

явному присутствию в повседневной реальности человека, как в материальной форме, так и в форме закрепленных за ними в той или иной культуре ассоциаций и символических значений, позволяют осмысливать языковые процессы в контексте языковой картины мира.

Объектом данного диссертационного исследования является отфитонимическая семантическая деривация.

Предмет исследования определяется как механизмы и модели отфитонимической семантической деривации в русском и английском языках.

Материалом для исследования служит народная фитонимическая лексика (противопоставленная научной ботанической номенклатуре) в русском и английском языках. Отбор материала осуществлялся на основе сплошной выборки из толковых словарей русского и английского литературных языков, а также из электронных ресурсов национальных корпусов двух языков (иллюстративный материал составил около 60 000 словоупотреблений). Такой подход объясняется наличием двух сфер функционирования лексики – языковой и речевой и необходимостью проанализировать не только семантические процессы, уже имеющие результат в виде зафиксированных в языковой системе и отмеченных в словарях значений, но и не получившие отражения в толковых словарях случаи семантического варьирования, позволяющие выявить закономерности и в определенной степени спрогнозировать семантическое развитие лексических единиц.

Корпус единиц, в которых прослеживается наличие или отсутствие процессов семантической деривации, составляет 852 фитонима в русском и 1158 фитонимов в английском языках. В результате осуществления выборки количество анализируемых, то есть демонстрирующих семантическое варьирование фитонимов, составило 468 единиц в русском языке и 667 единиц в английском языке.

Цель работы состоит в сопоставительном синхронном анализе моделирования отфитонимической семантической деривации в русском и английском языках.

Достижение поставленной цели предполагает решение ряда **задач**:

- на основе анализа научной литературы уточнить понятийно-терминологический инструментарий для исследования семантической деривации;
- определить корпус фитонимов в русском и английском языках; отобрать среди них на основе материалов толковых словарей и текстов единицы, участвующие в деривационных процессах;
- выявить модели семантической деривации для каждого языка;
- определить факторы, обуславливающие особенности протекания деривационных процессов, а также языковые механизмы, при помощи которых осуществляется семантическое варьирование;

- на базе решения предшествующих задач выявить общее и специфичное в семантических моделях сопоставляемых языков.

Работа в целом выполнена в русле сопоставительного метода; для решения частных задач используются описательно-аналитический метод, компонентный анализ лексико-семантической и семной структуры, контекстуальный анализ речевой семантики слов, элементы статистического анализа, когнитивное моделирование.

Научная новизна исследования определяется тем, что явление семантической деривации рассматривается в нем комплексно в трех аспектах – лингво-когнитивном, собственно языковом и культурологическом, а также выявляется взаимосвязь и взаимообусловленность этих аспектов.

В работе впервые проводится сопоставительный анализ всей совокупности процессов семантической деривации в денотативной сфере «Р а с т е н и я ».

Теоретическая значимость работы состоит в том, что она расширяет имеющиеся представления о факторах, определяющих процессы семантической деривации, вносит вклад в разработку представлений о когнитивной сущности этих процессов и как следствие, способствует разработке таких теоретических проблем, как взаимодействие языка и мышления, роль языка в процессе познания. В работе также исследуются вопросы формирования языковой картины мира в типологически разных языках.

Практическая значимость определяется возможностью использования результатов исследования в практике преподавания языковых дисциплин (курс по лексикологии, спецкурсы по лексической семантике, лингвострановедению и т. д.), а также в лексикографической практике, в создании и редактировании первичных и вторичных текстов.

Основные положения, выносимые на защиту.

1. Процессы семантической деривации определяются тремя факторами – когнитивным, собственно языковым и культурологическим, в связи с чем анализ семантической деривации является многоаспектным. Все три аспекта семантической деривации являются взаимообуславливающими. Сопоставительное исследование деривационных процессов предполагает выявление общего и специфического в них также в трех аспектах.

2. Когнитивные параметры, определяющие протекание деривационных процессов в денотативной сфере «Растения» (тип понятийной связи, отбор опорных для категоризации признаков растений, факторы, обуславливающие необходимость вторичной номинации), являются наиболее универсальными; отдельные отличия в функционировании когнитивных параметров, как правило, определяются их взаимосвязью с культурологическими. Характер понятийной связи коррелирует с преобладающими

ми факторами, обуславливающими необходимость номинации: в моделях импликационного типа перенос обусловлен преимущественно номинационной потребностью с опорой на прагматические признаки растения; для классификационных моделей преобладающей мотивацией является сила импликации признака (преимущественно понятийного признака внешнего вида).

3. Преобладающими языковыми механизмами при связи импликационного типа являются метонимический перенос и расширение значения, при классификационной гиперо-гипонимической связи – сужение и расширение значения, при классификационной симилятивной связи – метафорический перенос. К различиям между языками относятся большая активность в английском механизма расширения значения, синкретичных случаев, параллельного радиального или дальнейшего цепочечного семантического развития в рамках одной модели, большее разнообразие мотивирующих сем. Модели импликационного типа характеризуются большей регулярностью и большей долей речевого функционирования, чем модели второго типа. Семантический параллелизм также выше при импликационной связи. Наиболее часто функционирование производных семантических вариантов ограничено морфологическим контекстом.

4. Культурологические параметры лишь частично совпадают в двух языках, в большинстве же случаев определяют ярко выраженную специфику семантических процессов того или иного языка, обуславливая роль семантической деривации в формировании языковой картины мира. Наиболее ярко культурологическая составляющая прослеживается в моделях, опирающихся на классификационные симилятивные образные и эмотивные связи.

Апробация работы.

Результаты исследования обсуждались на заседаниях кафедры теоретической и прикладной лингвистики Уральского государственного педагогического университета (2006, 2008), а также излагались на международных и региональных конференциях (Екатеринбург 2005, 2006, 2007, Пермь 2006, Чебоксары 2006). Положения диссертации отражены в девяти публикациях.

Структура работы определяется целью, поставленными задачами, логикой исследования и раскрывается во введении, трех главах, заключении, списке использованной литературы и приложении.

Основное содержание работы

Во **введении** обосновываются актуальность и новизна темы диссертации; формулируются цель и задачи исследования; определяются объект и предмет исследования; указываются материал и методология; выявляется теоретическая и практическая значимость.

В главе I «Теоретические основы сопоставительного исследования отфитонимической семантической деривации» представлена теоретическая база изучения процессов семантического варьирования фитонимической лексики.

В первом разделе осуществляется краткий обзор истории разработки проблемы семантического варьирования. Многозначность языковых единиц, будучи обусловленной отражательной и обобщающей способностью мышления, а также объективным противоречием между бесконечностью процесса познания и ограниченностью языковых ресурсов, традиционно трактуется как «признак приобретенной цивилизации» (М. Бреаль), показатель лексико-стилистического богатства языка и уровня его развития. При этом, если для конца XIX века и первой половины XX века характерно в основном диахроническое рассмотрение многозначности, то на более поздних этапах полисемия исследуется преимущественно как синхронное явление (В. В. Виноградов, А. И. Смирницкий, О. С. Ахманова, Ю. Д. Апресян, В. Г. Гак, К. С. Горбачевич, В. И. Кодухов, Э. В. Кузнецова, В. М. Солнцев, И. А. Стернин, А. П. Чудинов, Д. Н. Шмелев и др.). Для последних десятилетий характерен интерес к многозначности как явлению не только языковой системы, но и речи (дифференцируются два вида семантического варьирования: лексико-семантическое и семное) [Шмелев 1964, 1973; Гак 1976; Стернин 1985; Чудинов 1988], к регулярному характеру многозначности [Бабицкене 1983; Багичева 1995; Бахмутова 1977; Боровикова 1985; Виноградова 1999; Томилова 1998; Цыганкова 1998; Чудинов 1988 и др.], к взаимодействию полисемии и контекста (Ф. А. Литвин, Т. М. Николаева, Ю. И. Левин, Б. А. Успенский, Н. В. Перцов); осуществляется сопоставительный анализ и выявляется степень многозначности слов в различных языках [Белеева 2000; Ватлецов 2001; Завалишина 1998; Подолян 2000 и др.].

Современный этап разработки проблем полисемии характеризуется опорой на когнитивный подход, что характерно как для зарубежных лингвистов (Th. Clausner, W. Croft, D. Cruse, P. Deane, G. Dunbar, R. Jackendoff, G. Lakoff, R. Langacker, G. S. McGlashan, J. Pustejovsky, J. Raukko, V. H. Ross, J. R. Taylor,), так и для ряда отечественных исследователей (Е. Л. Боярская, Г. В. Гафарова, Т. А. Кильдебекова, Г. И. Кустова, М. Н. Лапшина, Е. В. Рахилина и др.).

Во втором разделе рассматриваются виды семантического варьирования и различные способы описания лексико-семантической структуры слова. Отмечается, что для анализа всей совокупности деривационных процессов значимы семантические варианты с различным семантическим статусом: оттенок значения, подзначение, значение; лексико-семантический и семный вариант; sense selection и sense modulation, sense-concept tier и sense-view tier.

Третий раздел посвящен анализу семантической деривации как подхода к исследованию семантической структуры многозначного слова, позволяющего выявлять как собственно языковые механизмы образования значений, так и когнитивные основы этого процесса. Термин семантическая деривация может пониматься двояко: как сам процесс образования производной единицы или же как отношения производности между единицами языка (результат процесса). Осмысление связей между значениями слова как отношений производности позволяет рассматривать совокупность значений как единую структуру – парадигму его лексем.

Семантическая деривация как один из способов концептуализации нового опыта является по своей сути когнитивным процессом. Связь между когнитивными процессами и семантическими изменениями очевидна, если оперировать понятием категоризации: связи между значениями слова являются частным случаем понятийных связей, функционирующих не только в системе языка, но и в сознании в целом, то есть они представляют собой отражение (фиксацию в языке) категоризирующих процессов, происходивших в момент номинации и, соответственно, ее определивших [Лещева 1997].

Будучи обусловленными универсальными характеристиками когнитивных механизмов, а также общностью объективной реальности и социального опыта, процессы семантической деривации обладают значительным сходством в разных языках. Вместе с тем их протекание характеризуется и уникальными особенностями: во-первых, способы номинации, при всей их универсальности, обладают различной степенью актуальности в языках; во-вторых, процесс номинации определяется специфическими для разных языковых коллективов характеристиками понятий, лежащих в основе ассоциаций производящей и производной единиц.

В четвертом разделе выявляется роль фитонимической лексики для исследования как универсальных закономерностей деривационных процессов, так и национально специфических характеристик, являющихся отражением языковой картины мира. С одной стороны, универсальность роли растений в жизни человека вовлекает их в деривационные процессы в любом языке. При этом, как показало настоящее исследование, спектр денотативных сфер, явления которых концептуализируются через растительный мир, достаточно широк (растения и их элементы, вещества, предметы, человек, признаки, процессы, абстрактные понятия, пространство). Тесная взаимосвязь мира растений с самыми различными сферами окружающей действительности подтверждается и многочисленными случаями внутренней мотивации.

С другой стороны, многопланово и участие фитонимов в формировании языковой картины мира: информативен сам факт наличия или от-

сутствия единицы-фитонима в языке (в этом смысле, например, многочисленные фиксируемые только в английских общенародных словарях названия экзотических растений – частично следствие исторических особенностей Великобритании), кроме того, растение – это не только элемент природы, произрастающий в той или иной местности и обладающий теми или иными биологическими характеристиками, но и объект, вызывающий определенное отношение (ассоциации) в том или ином языковом коллективе, при этом фитонимическая лексика является одной из наиболее ярких в плане ассоциативного значения.

В пятом разделе сформулирована методика анализа отфитонимической семантической деривации. Признавая многофакторный характер семантической деривации, мы полагаем, что анализ, в том числе и сопоставительный, данного явления необходимо осуществлять в ряде аспектов.

1. Цель анализа **когнитивных основ семантической деривации** – выявление взаимосвязи процессов мышления, происходящих при концептуализации нового явления через уже известное, и его лексикализации. При анализе отфитонимической семантической деривации в когнитивном аспекте мы выделяем ряд параметров:

1) тип понятийной связи: семантическая структура слова представляет собой ряд значений, связанных содержательными отношениями, являющимися, по сути, отражением связи понятий в сознании человека; за основу в данном исследовании взята классификация содержательных связей, разработанная М. В. Никитиным [Никитин 1988], который выделяет в качестве основных типов импликационные и классификационные связи, а также классификация подтипов Л. М. Лещевой [Лещева 1997];

2) факторы, обуславливающие возможность концептуализации: степень номинационной потребности, сила импликации признака, потребность в экспрессивной коннотации;

3) выполняющие при варьировании роль мотивационной доминанты признаки растения, воспринимаемые перцептивно или дискурсивно и обуславливающие соответствующие признаки фитонимов [Комарова, Плотникова 2006]: 1) мотивационные, 2) понятийные – общие признаки (габитус, общая форма растения, место произрастания), признаки, основанные на прагматической оценке (съедобное, полезное и т. д.), особенности внешнего вида (форма, цвет, размер и т. д.), 3) коннотативно-оценочные, 4) культурологические.

2. Анализ **языкового процесса** предполагает выявление механизма семантической деривации, семантического наполнения и статуса сем, участвующих в процессе деривации, а также наличия контекста определенного типа, ограничивающего употребление семантического варианта. Представляется значимым выявление процентного соотношения зафиксированных в лексикографических источниках случаев варьирования и

случаев, выявленных в текстовых употреблениях.

Языковые особенности протекания семантических процессов предполагают также их анализ в терминах регулярности (Д. Н. Шмелев, Ю. Д. Апресян, И. Г. Ольшанский, Э. В. Кузнецова, А. П. Чудинов, Н. А. Боровикова, Н. В. Багичева и др.). Значимым представляется как сопоставление степени активности деривационного процесса в двух языках, так и оценка репрезентативности модели в формировании фитонимической картины мира в каждом из них.

3. В понятие **культурологического аспекта** семантической деривации мы включаем те ее особенности, которые обусловлены спецификой восприятия того или иного явления в контексте определенной культуры, то есть возникают как следствие определенных мифологических, религиозных, фольклорных, литературных и других традиций. При сопоставлении культурологической составляющей выявляются две группы факторов – универсальные и национально специфичные. Об универсальных в полном смысле ассоциациях можно говорить лишь в случае их присутствия в неродственных культурах. Таковыми можно считать восприятие корня как символа истоков, начала, а также плода как символа результата деятельности (базовые метафоры в сфере фитонимической лексики связаны с архетипическим восприятием мира [Чудинов 2001]).

Глава II «Сопоставительный анализ моделей отфитонимической семантической деривации, основанных на импликационных понятийных связях» посвящена выявлению когнитивных факторов, языковых механизмов и культурологической обусловленности процессов семантического варьирования русских и английских фитонимов, имеющих в основе импликационные понятийные связи, а также их последующему сопоставительному анализу.

Импликационные связи являются, по сути, мыслительным аналогом связей, существующих между предметами в реальной действительности: «Одно понятие предполагает, вызывает мысль о другом, т. е. имплицитует другое понятие, если предполагается какая-то зависимость, взаимодействие, связь отражаемых ими сущностей» [Никитин 1988: 67]. Импликационная связь представлена несколькими подтипами. Следует отметить, что для функционирования понятийных связей при отфитонимической семантической деривации характерен синкретизм, т. е. взаимодействие сразу нескольких типов (или подтипов) понятийных связей.

В разделе 2.1. представлен анализ моделей, основанных на **партитивной связи**:

«растение ↔ плод этого растения» (*абрикос, миндаль, боярышник, apricot, almond, hickory, olive* и т. д.), например: *Посылаю вам яблoк, груш, помидоров, абрикосиков и зеленого перцу* [Вертинская Л. Синяя птица любви]; *And there were the baskets of fruit, perfect small melons, late*

plums, under-ripe medlars waiting to soften, peaches, pears hollowed out by a bird or a wasp ... [David E. An omelette and a glass of wine];

«растение ↔ часть этого растения» (*бетель, трилистник, лопух, betel, shamrock, pinkroot* и т. д.): *Коляска, брччка, сани, лошади жуют овес ... [Рохлин Б. Праздник фонарей // Звезда, 2002]; They are not swilling horns of ale but chewing betel [Mo T. The redundancy of courage];*

«растение → цветок этого растения» (*сирень, василек, камелия, lilac, cornflower, alba, pomegranate* и т. д.): *На лугах, так далеко, насколько глаз хватает, везде алетют маки [Бондорина И. "Остров Крым" // Сад своими руками, 2002.11.15]; In the sunken garden, orange snapdragons and pink asters ...had been set out in lurid masses. [Brayfield C. The prince].*

Выделение элементов растений представляется важным этапом освоения действительности в целом, поскольку именно выделение таких базовых частей растительного организма, как корень, стебель (ствол), ветвь, цветок, плод и семя, позволяет человеку сначала познавать жизненный цикл самих растений, затем анализировать его сходство с любым процессом в живой природе и, наконец, абстрагируясь, осмысливать его аналогии с другими явлениями и процессами. Концептуализацию частей растений, таким образом, можно рассматривать как наиболее естественный, базовый этап семантической деривации, служащий основой для дальнейшей концептуализации через явления растительного мира, что подтверждается функционированием партиитивной связи также и в моделях, опирающихся на другие типы связи.

Исследуемая в разделе 2.2. **субстанциональная связь** представлена такими моделями, как «растение ↔ древесина этого растения» (*бук, кедр, сосна, дуб, клен, береза, beech, cedar, pine, rosewood* и т. д.): *Мебель из сосны - солнечное настроение в любую погоду [Буклет "Карельская береза", 2004]; The accurately curvaceous body is almost certainly made from alder [Ely C. Guitarist]* и «растение → материал из этого растения» (*камыш, тростник, жимолость, кокос, reed, rush, lauhala* и т. д.): *Закончив растирание, он ... насыпал в сплетенное из ротанга блюдо горку вареного риса [Парнов Е. Третий глаз Шивы]; We continue by laying course upon course of reed using our legget... [Bird J. In-service training in public library authorities]).*

Причинно-следственная и пространственно-временная связи, анализируемые в разделе 2.3., характеризуются большим разнообразием в силу многочисленности экстралингвистических связей такого типа и функционируют в ряде моделей:

«растение → действие с этим растением» (*чай, кофе, елка, картошка, tea, coffee* и т. д.): *А ребят увезли на картошку, — сразу объяснила она свое нахождение дома в разгар учебного дня... [Кабаков А. Сочинитель]; Tobacco can seriously damage your pocket; as well as your health*

[*The Daily Mirror*, 1992];

«растение → состояние, вызванное этим растением» (хмель, дурман): *Дружеская атмосфера кружила голову, как легкий приятный хмель, возникающий от бокала шампанского* [Крайнев В. Стремиться к идеалу]; модель фиксируется лишь в русском языке;

«растение → съедобный продукт из этого растения» (гречка, рис, зверобой, *soya*, *rye*, *tea*, *gentian*, *jujube*, *mint* и т. д.): *Живу один, готовлю на неделю суп и бобы* [Катанян В. Лоскутное одеяло]; *'Italian sausage with potato and beans,' Preston ordered* [Bryers P. *The adultery department*];

«растение → цвет этого растения» (баклажан, табак, авокадо, *aubergine*, *tobacco*, *plum*, *pomegranate* и т. д.): *Апельсин, мак... и прочие (знакомые, кстати, по коллекциям весна— лето) жизнерадостные оттенки есть у Frighetto...* [Пешкова Ю. Ярмарка тицеславия // Домовой, 2002.06.04]; *Her mouth she kept a pale peach...* [McCallum K. *Driven by love*];

«растение → изделие из этого растения» (дуб, лавр, липка, люфа, рафия, трость, тыква, *hazel*, *hickory*, *rattan*, *rarugus* и т. д.): *Еще вином его поили из тыквы* [Хаецкая Е. Синие стрекозы Вавилона]; *That sort of experience binds boy and rod together, and I used my old greenheart happily for many years to come...* [Sandison B. *Tales of the loch*];

«растение → волокно (ткань) из этого растения» (хлопок, лен, *cotton*, *jute* и т. д.): *Компания SIEMENS создала новую серию стиральных машин IQ, предназначенную для стирки особо деликатных тканей, таких как тонкий лен и хлопок...* [Постираем? // Homes & Gardens, №12, 2004]; *Wear cotton next to your skin* [Woman, 1991];

«растение ↔ вещество из этого растения» (сандал, сафлор, *safflower*, *hemlock*, *timbo* и т. д.): *Матушка положила свою крашеную сандалом ладонь мне на губы* [Хаецкая Е. Синие стрекозы Вавилона]; *Adam had put henna on his hair and that and the sun had turned it reddish-gold* [Vine B. *A fatal inversion*];

«растение → запах этого растения» (жасмин, резеда, сосна, лимон, *jasmine*, *mignonette*, *pine* и т. д.): *Большой поклонницей духов Crown Perfume была Любовь Орлова. Говорят, ... ее пленяли жасмин и мандарин, иланг-иланг и тубероза* [Зубцова Я. Кто на новеньких? // Домовой, 2002.05.04]; *Oxygen enough, a spike of ozone; and a hint of sensuous cloying patchouli...* [Watson I. *Inquisitor*];

«растение → место произрастания этого растения» (рожь, овес, лен, кукуруза, крапива, ковыль, *corn*, *paddy*, *rye*, *bent* и т. д.): *Нашли привязанную в камышах полузатопленную лодку...* [Улицкая Л. Путешествие в седьмую сторону света]; *It squealed and dashed unhurt into the corn...* [Jame W. *The earth is the Lord's*].

В главе III «Сопоставительный анализ моделей отфитонимиче-

ской семантической деривации, основанных на классификационных понятийных связях» выявляются универсальные и специфические в двух языках когнитивные факторы и языковые механизмы, функционирующие в процессах семантического варьирования фитонимов, опирающихся на классификационные понятийные связи, а также анализируется их культурологическая обусловленность.

Классификационные связи представляют собой мыслительный аналог распределения признаков объектов. В случае классификационных связей, в отличие от предыдущего типа, объекты реальной действительности не объединены какими-либо отношениями [Никитин 1988]. Классификационные связи подразделяются на две группы: 1) гиперо-гипонимические (родово-видовые) и 2) симилятивные (метафорические). При этом большинство анализируемых моделей включают в себя синкретичные случаи одновременного функционирования классификационной и импликационной (преимущественно партитивной) связи или совмещения нескольких типов классификационной связи.

Исследуемая в разделе 3.1. **гиперо-гипонимическая связь** противопоставлена метонимической. Семантическая деривация, основанная на гиперо-гипонимической содержательной связи, – это языковое отражение системности мира растений. Реально существующие взаимосвязи между разнообразными растениями служат основой для выделения таксонов – видов, родов, семейств, порядков и классов растений, что создает возможности для языковой концептуализации одного растения через другое. Наиболее часто происходит концептуализация вида и рода растения, но возможна концептуализация и других таксонов. Для народной фитонимики, в отличие от научных концептов, таксономические признаки не являются преобладающими [Комарова, Плотнокова 2006], отсутствует строгая корреляция имени и растения [Коновалова 2001], перенос названия растения возможен не на основе реального родства, а на основе отдельных, зачастую внешних или выявляемых лишь в практической деятельности человека признаков.

Гиперо-гипонимическая связь лежит в основе таких моделей семантической деривации, как «растение ↔ вид этого растения» (*алоэ, спаржа, баньян, rue, spurge* и т. д.: **спаржа** 1. Многолетнее растение сем. лилейных. 2. Один из видов этого растения, возделываемый как овощ; **viola** 1. A genus and a plant of the order *Violaceae*. 2. A hybrid garden-plant of this genus, distinguished from the pansy by a more delicate and uniform colouring of the flowers) и «растение → другое растение того же семейства» (*табак, мимоза, таволга, лук, кувшинка, laurel, elder, dogwood, crowsberry* и т. д.: **табак** 1. Травянистое растение сем. пасленовых, в листьях которого содержится никотин. 2. Травянистое растение сем. пасленовых с душистыми белыми, розовыми или светло-фиолетовыми цветками; **raspberry** 1.

The plant which produces the raspberry. 2. Other plants of the genus *Rubus* resembling this).

Симилятивная связь характеризуется тем, что общая часть (чаще это сема импликационала производного значения, реже – сема его интенционала) в производном значении играет роль гипосемы. При этом переменной может оказаться и гиперсема производного значения, что обуславливает большую, по сравнению с первым типом связей, свободу варьирования. Симилятивная связь, в свою очередь, представлена несколькими типами. Исследуемая в параграфе 3.2. **симилятивная предметно-логическая связь** основана на общности свойств, функций, структуры растения-источника концептуализации и концептуализируемого явления и действует сразу в ряде моделей:

«растение → изображение этого растения» (*акант, горох, гречка, acanthus, cinquefoil, trefoil* и т. д.): *Я отметила, что он выбрал самую лучшую свою рубашку — шелковую, с голубыми васильками... [Распутин М. Распутин. Почему?]; I soon became absolutely obsessed with discovering acanthus everywhere, because the motif is all over the place, in wallpapers, in lampshades ... [The Art Newspaper, 1993];*

«растение ↔ растение другого семейства» (*подбел, бергамот, пролеска, hemlock, bean, bluebell, pennywort* и т. д.): **перец** 1. Южное растение сем. перечных, плоды которого имеют специфический острый вкус. 2. Растение сем. пасленовых, плоды которого употребляются как овощ или как пряность; **bluebottle** 1. The common name for the Blue Corn-flower. 2. Applied vaguely to other blue flowers;

«растение → предмет, имеющий сходство с этим растением» (*трилистник, горох, груша, rose, chestnut, hornbeam* и т. д.): *Это тоже дореволюционная гостиница, ... маленький ключ висит на огромной деревянной груше, которую никуда не положишь, никуда не спрячешь [Окуневская Т. Татьянин день]; He straightened the bedclothes and laid a wrapped chocolate truffle on each pillow, a goodnight blessing [Francis D. The edge];* производные в рамках данной модели семантические варианты объединяются в ряд специфичных для каждого языка подгрупп;

«растение ↔ вещество (материал, изделие и т. п.) не из этого растения» (*саго, сандал, тоха, тango, pepper* и т. д.): *При нервозности и бессоннице хорош чай из Melissa [Сорокина А. Из копилки флоры // Здоровье, 1999.03.15], I make a very nice nettle tea, you know [Lawhead S. A tale of Anabelle Hedgehog].*

Симилятивная синестезическая понятийная связь, анализируемая в разделе 3.3, опирается на психофизиологические особенности восприятия общности и слабо представлена в отфитонимических деривационных процессах, лежа в основе модели «растение → звук» (*горох*): ... *второй – в телогрейке, в кирзачах, заглядывает ему в лицо, суется,*

быстро-быстро говорит, горохом сыплет [Светов Ф. *Мое открытие музея*]; формирование семантического варианта «звук» в английском языке (*rhubarb, raspberry*) мотивировано звуковой формой самих фитонимов: *Bobby... rhubarbrhubarbrhubarb ... momentous occasion for the country... rhubarb... great ambassador for Britain', Hurst started helpfully* [Esquire, 1991].

Раздел 3.4. посвящен сопоставлению деривационных моделей, мотивированных **симилятивной образной и эмотивной** (по общности оценки и вызываемым эмоциям) связями:

«растение → человек, характеризуемый с точки зрения внешности» (*роза, сморчок, мухомор, орхидея, carrot, peach, lily* и т. д.): *Впрочем, я сама не кипарис, но до Ани мне далеко* [Донцова Д. *Доллары царя Гороха*]; *He was the titch, the weed of the class, standing about four feet eight in his shoes and somewhat less barefoot* [Mackenzie D. *The truth of stone Edinburgh*];

«растение → человек, характеризуемый с точки зрения внутренних качеств» (*пеней, перец, лопух, дуб, peanut, wallflower, marshmallow, daisy, tulip* и т. д.): *Я — не мимоза, не одуванчик, а довольно-таки толстокожий и стержозный тип ...* [Даниэль Ю. *Письма из заключения*]; *Gillian's always been convinced I'm a complete nut...* [Andrews L. *Hospital circles*]; в качестве отдельных подгрупп анализируется концептуализация человека (1) как существа, обладающего той или иной степенью интеллекта, (2) как личности, обладающей определенными моральными качествами и (3) социальным статусом, (4) как субъекта профессиональной деятельности, (5) как представителя определенной национальности;

«растение → абстрактное понятие» (*горох, дурман, роза, пеней, хмель, ipescasiana, nut, rose, bur* и т. д.): *На душе праздник, в кармане звон, не жизнь — малина!* [Астафьев В. *Царь-рыба*]; *So, goes an alluring argument, America can rest on its military laurels* [The Economist 1991].

Исследование моделей, обусловленных двумя типами понятийных связей, позволяет выявлять во второй и третьей главах работы определенные закономерности протекания отфитонимических деривационных процессов.

Установлено, что закономерности, выявляемые в **когнитивном аспекте** семантической деривации, являются наиболее универсальными.

В обоих языках характер понятийной связи находится в определенном соответствии с преобладающими факторами, обуславливающими номинацию. В моделях импликационного типа перенос обусловлен преимущественно номинационной потребностью с опорой на прагматические признаки растения. Так, деривация по модели «растение ↔ часть этого растения» может быть обусловлена употреблением его в пищу (*спаржа/asparagus, чай/tea, пшеница/wheat, caper, hop* и т. д.), ис-

пользованием растения в качестве лекарственного (*калган, кипрей, geranium, pellitory* и т. д.), извлечением из него вещества, часто красящего (*марена/madder, кока, safflower* и т. д.), изготовлением изделия (*лоза/withy, тальник*). Опора на силу импликации признака лежит в основе лишь некоторых моделей данного типа, при этом ведущими при мотивации оказываются понятийные признаки внешнего вида (цвет, форма, размер). Так, по модели «растение → цветок этого растения» в первую очередь концептуализируются цветки, имеющие броскую, узнаваемую форму головки (*лилия/lily, орхидея/orchid, колокольчик/bluebell, лотос/lotus, камелия, alba* и т. д.) или цвет (*одуванчик/dandelion, василек/cornflower* и т. д.), хотя в отдельных случаях возможна также опора и на другие признаки, например, аромат (*stephanotis, honeysuckle*).

В свою очередь для классификационных моделей преобладающей мотивацией является именно сила импликации признака (как правило, понятийного признака внешнего вида). Например, концептуализация предмета через растение (модель «растение → предмет, имеющий сходство с этим растением») возможна в результате общности формы (*трюфель/truffle, банан, груша, розан, melon, bur, marigold* и т. д.), размера (*горох/pea, чечевица, barley, peanut*), цвета (*капуста/cabbage, роза, урис, lettuce, primrose, cherry* и т. д.), количества (*горох, pea, grape* и т. д.). В ряде случаев семантическая деривация по моделям классификационного типа обусловлена отсутствующей в первой группе потребностью в дополнительной экспрессивной коннотации (с опорой на культурологические и коннотативно-оценочные признаки растения), что в первую очередь характерно для семантических вариантов «человек, характеризуемый с точки зрения внешности», «человек, характеризуемый с точки зрения внутренних качеств», «абстрактное понятие».

В целом факторы и признаки, мотивирующие деривацию, аналогичны в сопоставляемых языках, что, однако, не препятствует наличию их специфики в ряде случаев. Так, при функционировании модели «растение → человек, характеризуемый с точки зрения внешности», во-первых, при совпадении ведущего типа признаков – внешнего вида растения – в русском языке это часто признаки формы и характера поверхности растения (*гриб, сморчок, мухомор, кипарис, сосенка* и т. д.: *Красавица брюнетка с фигурой богини — и рядом муж, маленький сморчок...* [Милованов М. *Естественный отбор*], тогда как для английского характерным является цветовой признак, который может переноситься либо на цвет кожи человека (*olive, pink, lily*), либо на цвет волос (*ginger, lily, carrot: Viewers can also see Birds of a Feather, Last of the Summer Wine and Jasper Carrot [Today 1992]*); во-вторых, для русского языка, в большей степени, чем для английского, характерна опора на признаки – результаты прагматической оценки, например: несъедобность, вредоносность мухомора являет-

ся одной из мотивационных доминант деривации фитонима *мухомор*: «о старике, старухе» (*Знакомая, давно примелькавшаяся фигура старика... вышла навстречу нам из-за поворота дороги, осторожно оцупывая дорогу палкой. — Это что за мухомор такой? — спросил я шедшего с нами журналиста И. Грозного. [Цветева М. Живое о живом]*).

Сопоставительный анализ отфитонимической семантической деривации в собственно **языковом аспекте** выявляет как общие, так и отличительные для каждого языка черты.

Характер понятийной связи коррелирует со степенью регулярности модели: модели, обусловленные импликационной связью, в целом характеризуются большей регулярностью (часты случаи высокой и средней степени регулярности), чем модели классификационного типа, что объясняется тем, что потенциально в нее могут включаться все единицы, обозначающие объекты, обладающие указанной связью с исходным объектом. Ограничения, налагаемые на функционирование таких моделей, – это, как правило, результат отсутствия практического освоения такой связи между двумя объектами во внелингвистической реальности для данного языкового сообщества, либо структурных особенностей данного языка (например, задействие формальной деривации вместо семантической). Так, в русском языке семантический вариант «варенье, приготовляемое из этого растения» продуктивно функционирует в группе названий съедобных ягод (*За компотом приходи хоть десять раз в день, — рассмеялась Вера Андреевна, сходила в кладовку и принесла болгарские банки с земляникой и малиной. [Куваев О. Территория]*), а также отмечается у некоторых названий фруктов (*слива, айва, алыча* и т. д.). В английском же языке семантический вариант «варенье, приготовленное из такого растения» не отмечен (вместо этого действует модель «фитоним + сущ. *jam*»); при этом в русском языке фитоним используется для обозначения именно варенья, приготовленного в домашних условиях, тогда как английские *jam, confiture, marmalade* соответствуют как раз русскому *джем, повидло*, то есть можно говорить как о структурной, так и экстралингвистической обусловленности семантического различия.

В моделях же классификационного типа опора на актуальные для той или иной культуры признаки растения, не всегда предполагающая объективную связь с концептуализируемым явлением, в целом приводит к меньшей степени регулярности.

Несколько большая степень регулярности, характерная в целом для моделей отфитонимической семантической деривации в английском языке, является следствием меньшей нагрузки на аффиксальное словообразование и, соответственно, большей роли семантической деривации в этом языке. Наряду с моделями, демонстрирующими примерно равную степень регулярности в двух языках, присутствуют и модели, значитель-

но отличающиеся по этому показателю («растение ↔ растение другого семейства») (14 случаев функционирования в русском и 175 в английском), «растение → место произрастания этого растения» (49 и 12), «растение → изделие из этого растения» (11 и 41), «растение ↔ предмет, имеющий сходство с этим растением» (58 и 134) и др.). Тем не менее оценка степени регулярности относительно других моделей данного языка показывает более сходное соотношение.

Является более высокой в моделях импликационного типа и доля речевого функционирования, причем если здесь отсутствие фиксации значения в словарях обусловлено, как правило, его малоупотребительностью, то в случае с классификационными моделями причиной чаще оказывается отставание словарной фиксации от развития языка.

Языковым механизмом концептуализации при импликационной связи в подавляющем большинстве случаев в обоих языках является метонимический перенос: дифференциальная, как правило, яркая и постоянная, сема основного значения меняет статус и становится интегральной в производном значении. Лишь в редких случаях в переносе участвует слабая, вероятностная сема: так, в фитониме *елка* в результате метонимического переноса вероятностная сема 'элемент празднования Нового года' имплицитно категоризует категориальную сему производного значения «новогодний праздник» (*В нем сразу нашли позапрошлогодние билеты на ёлку, которые мы искали, по-моему, дня три [Минаев Б. Детство Левы]*).

В ряде случаев при импликационной связи метонимический перенос сопровождается расширением значения, причем роль последнего выше в деривации английских фитонимов, например: *barilla* 1. A maritime plant (*Salsola Soda*). 2. An impure alkali produced by burning the dried plants of the preceding and allied species. Для английского языка также несколько больше характерно параллельное радиальное или дальнейшее (цепочечное) развитие семантического варьирования в рамках той же модели («растение → цвет этого растения», «растение → действие с этим растением»). Так, несмотря на параллельность семантического развития фитонимов *чай* и *tea*, английская единица участвует в последующей деривации с образованием сразу нескольких семных вариантов: «reception or other social gathering in the afternoon, at which tea, coffee, etc. are served» (*Afternoon tea, provided by the students of the Beverley College of Further Education, will be available in the Mayor's Parlour immediately after this concert [Tourist information: York]*), «a light meal at which tea is the usual beverage» (*In the attempt to provide good influences, officers were advised to cultivate personal contacts: to become friends with the boys, to invite them home for tea ... [Hendrick H. Images of youth]*), «a more substantial, early evening meal that is often the main meal of the day» (*high tea*), то есть в отличие от русского эквивалента, у английского фитонима в производном

значении в большей степени обязательной и яркой является сема 'определенное время употребления', обеспечивающая варьирование.

При классификационных связях языковой механизм концептуализации варьируется в зависимости от подтипа связи. При гиперо-гипонимической связи варьирование осуществляется как результат сужения и расширения значения: производное значение обладает той же архисемой, но при этом возникает, утрачивается или подвергается замене какая-либо дифференциальная сема ('культурное' – 'сорное', 'декоративное' – дикое, 'съедобное' – 'несъедобное', 'произрастающее на определенной территории').

При симилиативной связи деривация осуществляется преимущественно с опорой на метафорический перенос: производное значение приобретает новую категориальную сему, но заимствует у производящего дифференциальную сему (это может быть как яркая, обязательная, так и слабая, имплицитная сема, но всегда приобретающая в производном значении статус ядерной). Велика в переносе и роль диспозициональных сем, обозначающих приписываемые "идеальному", классическому денотату признаки.

Достаточно активен процесс расширения значения. Так, при деривации по модели «растение ↔ растение другого семейства» в ряде случаев (*терн, плевел, трость, повилика, поганка, flag, banewort, ipescasiana, cassia*) сохраняется архисема, но утрачивается дифференциальная сема 'растение определенного семейства'. При этом мотивирующая периферийная сема, обозначающая отдельное свойство растения (сорное, колочее, вьющееся, имеющее тонкий стебель, несъедобное, вызывающее определенный эффект и т. д.), в производном значении становится яркой, например: *плевел* Род однолетних, реже многолетних травянистых растений семейства злаков, отдельные виды которого являются сорняками; вообще сорная трава, растущая среди хлебных злаков; *ipescasuanha* 1. The plant *Cephaelis Ipecacuanha*. 2. Transferred to many other plants whose roots have emetic properties. При этом свойство, мотивирующее перенос, не обязательно является реально существующим свойством концептуализируемого растения: так, например, производным значением фитонима *поганка* является «любой несъедобный гриб», но он используется для наименования также и любого гриба, который грибник не может идентифицировать и поэтому не собирает: *Их стало много, когда мы узнали, что в лесу на каждые два десятка съедобных грибов приходится не больше одной поганки. [Яшин А. Сладкий остров].* В целом для английского языка более характерны, чем для русского, синкретичные случаи, когда метафорический перенос сопровождается переносом метонимическим, расширением значения и развитием по аналогии.

Семы, мотивирующие перенос, могут совпадать в двух языках, хотя

в большинстве случаев служат основой деривации неэквивалентных в двух языках фитонимов. Примером может являться формирование семантического варианта «голова человека». Аналогичные в двух языках семы 'круглая форма' и 'гладкая поверхность', а также 'неспособный мыслить' (скрытая в семе 'неодушевленный' и мотивирующая возникновение семемы «глупая голова») в русском языке приводят к деривации у фитонимов *дыня, тыква, репа, капуста* (например: *Вроде как они все время к авторитету президента апеллируют, а нет, ... рейтинг пошел вниз, коммунисты радуются, газетчики чешут репу*. [Зверева Н. *Вот уехал Путин... // Политком.ру, 2003.02.13*]), тогда как в английском это фитонимы *filbert, lemon, nut, onion, bean, coconut* (*By the way, trusty watchman, 'said Grimm, how fruitfully did you occupy yourself while you were lying there with nothing to do and a hood over your bean?* [Watson I. *Inquisitor*]), что обусловлено задействованием в русском и отсутствием при переносе в английском семы 'крупный размер'.

При анализе семантической деривации в собственно языковом аспекте выявляется также роль семантического контекста (лексического, морфологического, синтаксического, смешанных типов). Наиболее часто функционирование производных вариантов ограничено морфологическим контекстом – употреблением лексемы только в единственном или множественном числе, причем роль его выше в русском языке.

Является релевантным при сопоставительном анализе деривационных процессов и степень семантического параллелизма. Количество семантических параллелей в отфитонимических процессах двух языков закономерно больше при импликационной связи (в силу объективности существования такой связи). Выявляются следующие причины отсутствия семантического параллелизма при данном типе связи:

– лакуарность в корпусе фитонимов как следствие экстралингвистических (отсутствие на данной территории) и языковых структурных (составные наименования) факторов (так, модель «растение ↔ плод этого растения» в английском языке активно функционирует в группе названий экзотических растений, произрастающих в исторически связанных с Великобританией регионах Азии, Африки и Южной Америки, например *jacobitcaba, japonica, icaco, tamtee, mani, туха* и т. д.);

– различная степень актуальности растения в практической деятельности;

– выбор различающихся способов лексикализации (например, для английского языка, в отличие от русского, достаточно характерно обозначение древесины при помощи словосочетания (фитоним в атрибутивной функции + сущ. *wood*): *Her grandfather carved it from a single piece of pear wood...* [Country Living, 1991]).

Специфика классификационных понятийных связей (преимуще-

ственная обусловленность специфичными для той или иной культуры признаками, а не реально присутствующими отношениями) обуславливает невысокую степень семантического параллелизма в двух языках. Здесь в большей степени, чем в предыдущей группе, играет роль фактор случайного, немотивированного расхождения.

Все модели деривации, за исключением моделей русского языка «растение → состояние, вызванное этим растением» и «растение → звук» (как модели, опирающейся на симулятивную синестезическую связь), функционируют в обоих языках. Однако, на уровне более частных денотативных сфер, к которым относятся концептуализируемые явления, выявляются многочисленные различия между языками, например:

– в рамках модели «растение → человек, характеризуемый с точки зрения внутренних качеств» только в английском языке образуются семантические варианты «человек как субъект профессиональной деятельности» (*bluebottle, snowdrop, pink, woodbine*), «человек как индивид, обладающий определенным социальным статусом» (*peach, mushroom, peanut*);

– в рамках модели «растение → предмет, имеющий сходство с этим растением» для русского языка характерно образование семантических вариантов «глаза» (*вишни, маслины, черносливы, васильки, клюквы*), «нос» (*картошка, клюква, редиска, слива, морковка*), тогда как только в английском присутствуют семантические варианты – «часть тела животного» (*broom, thorn, bur, rose, chestnut, hornbeam, melon* и т. д.), «деньги» (*lettuce, cabbage, bean, poppy, peanut, plum, laurel*);

– намного более регулярным в английском является образование семантического варианта «отравляющее или наркотическое вещество» (*antiar, barbasco, hemlock, urali, timbo, cannabis, sinsemilla, nepenthes*) и «алкогольный напиток» (*cherry, gooseberry, sagwire, raspberry* и т. д.);

– только для английского языка характерен семантический вариант «эмблема нации, государства, рода и т. д.» в рамках модели «растение → изображение этого растения» (*rose, trefoil, thistle, rosemary, poppy, lily, primrose* и т. д.), что, вероятно, объясняется существующей в Великобритании традицией присвоения растительной эмблемы той или иной территории (роза – национальный символ Англии, чертополох – Шотландии, нарцисс и лук-порей – Уэльса, трилистник – Северной Ирландии), тогда как в русской эмблематике растения – это чаще лишь геральдический элемент, а не самостоятельная эмблема.

Культурологическая составляющая прослеживается лишь в ряде процессов семантического варьирования.

При импликационной понятийной связи культурологические особенности растения менее значимы (наиболее активно они задействованы при деривации по модели «растение ↔ часть этого растения»). Тем не менее выявляются как универсальные культурологические составляющие

щие, мотивирующие семантические параллели в двух языках (например: *lavr/ laurel* в значении «венок, ветвь растения как символ награды, победы»), так и специфичные лишь для одной из сопоставляемых культур признаки (*yew* «branches or sprigs of the tree, especially as symbols of sadness» – деривация обусловлена особой символической значимостью тиса на Британских островах и восходящим еще ко временам друидов восприятием его как символа смерти; также особой символической ролью в фольклорных и мифологических традициях обусловлена деривация фитонимов *oak* и *cypress*; особый интерес в этом смысле представляет пара фитонимов *верба/palm*).

Наиболее ярко культурологическая составляющая прослеживается в моделях, обусловленных классификационными симилиативными образными и эмотивными связями. При варьировании по моделям «растение → человек, похожий на это растение внешним видом», «растение – человек, характеризующийся по внутренним качествам», «растение → абстрактное понятие» культурологический признак растения является доминирующим, а иногда и единственным при мотивации переноса.

Ярким примером обусловленности деривационного процесса культурологическими особенностями восприятия растения является деривация по модели «растение → абстрактное понятие» в группе названий древесных растений. Широкий ассоциативный потенциал фитонимов – названий деревьев имеет глубокие корни в мифологии. Образ мирового дерева как воплощение универсальной концепции устройства мира фиксируется почти повсеместно, при этом в мифологии сопоставляемых культур особое место занимает одно и то же дерево – *дуб*.

Сопоставление присутствия символического значения дуба в современном сознании носителей двух культур показывает, что оно более ярко выражено в английском языке, что объясняется, по-видимому, частично большим влиянием античной традиции, а также особой ролью данного растения в английском фольклоре (характерно упоминание конкретных деревьев в фольклорных сюжетах: *Major Oak*, *Parliament Oak*, *oaks of Gog and Magog* и т. д.) и истории. В результате отмечаются такие семантические варианты фитонима *oak*, как «дуб как символ королевской власти», «дуб как символ силы, стойкости, смелости», «дуб как символ Англии».

Физические свойства дуба, выделяющие его среди других деревьев, обуславливают его символическое значение и в русском языке, но здесь ассоциативный ряд здесь беднее: *дуб* – символ силы, выносливости.

В заключении обобщаются результаты проведенного исследования и определяются его перспективы, связанные с изучением семантической деривации в других языках и других денотативных группах.

**Основные положения диссертационного исследования
опубликованы в следующих работах:**

*Статьи в рецензируемых научных изданиях,
включенных в реестр ВАК МОиН РФ:*

1. Василенко О. И. Отфитонимическая семантическая деривация как отражение оценочного потенциала фитонимов [Текст] / О. И. Василенко // Аспирантские тетради : Известия РГПУ им. А. И. Герцена. – СПб, 2008. – № 26 (60). – С. 62-65.
2. Василенко О. И. Отфитонимическая семантическая деривация в лингвокогнитивном и культурологическом аспектах (на материале русского и английского языков) [Текст] / О. И. Василенко // Известия УрГУ. – Екатеринбург, 2008. – № 55, вып. 15. – С. 188-197.

*Статьи в сборниках научных трудов
и тезисы докладов на научно-практических конференциях:*

3. Василенко О. И. Взаимодействие процессов семантической деривации и концептуализации действительности [Текст] / О. И. Василенко // Проблемы современной когнитологии и семантики : Сборник научных статей. – Чебоксары, Чувашгоспедуниверситет, 2006. – С. 142 – 144.
4. Василенко О. И. Концептуализация мира растений как результат деривации фитонимов [Текст] / О. И. Василенко // Альманах современной науки и образования. – Тамбов : Грамота, 2007. – С. 46-48.
5. Василенко О. И. Фитонимы в системе русских колоративов // Язык. Система. Личность / Урал. гос. пед. ун-т. – Екатеринбург, 2007. – С. 20-25.
6. Василенко О. И. Проблема ментальной репрезентации многозначного слова [Текст] / О. И. Василенко // Лингвистические чтения – 2006. Цикл 2. Материалы конференции (Пермь 3 ноября 2006) – Пермь : ПСИ, 2006. – С. 110-113.
7. Василенко О. И. Проблемы терминологии: многозначность – полисемия – семантическая деривация [Текст] / О. И. Василенко // Актуальные проблемы лингвистики: Уральские лингвистические чтения 2005 : материалы ежегодной научной конференции. – Екатеринбург, 2005. – С. 26-27.
8. Василенко О. И. Фитонимы как часть языковой картины мира [Текст] / О. И. Василенко // Актуальные проблемы лингвистики: Уральские лингвистические чтения 2006: материалы ежегодной научной конференции. – Екатеринбург, 2006. – С. 34-35.
9. Василенко О. И. Соотношение понятий модели семантической деривации и лексического правила / [Текст] / О. И. Василенко // Актуальные проблемы лингвистики: Уральские лингвистические чтения 2007: ма-

териалы ежегодной научной конференции. – Екатеринбург, 2007. – С. 41.

Подписано в печать . .08. Формат 60 × 84/16.

Бумага для множ. ап. Печать на ризографе. Уч.-изд. л. 1,0.

Тираж 100 экз. Заказ

ГОУ ВПО «Уральский государственный педагогический университет».

Отдел множительной техники.

620017 Екатеринбург, пр. Космонавтов, 26.

E-mail: uspu@uspu.ru